ПРИНЦИПЫ СОГЛАСОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Н.В.Половинкина
к.э.н., доцент ННГУ

Соотношение частных и общих интересов – центральная проблема теоретического исследования процесса координации экономической деятельности. Суть проблемы заключается в анализе воздействия индивидуального поведения, нацеленного на извлечение собственной выгоды, на развитие экономики (фирмы, отрасли, региона, государства) и общества в целом. Эта тема – одна из центральных в истории науки. В ее разработке объединились усилия философии, экономики, социологии, психологии, этики, политологии, юриспруденции.

В социально-философской и экономической мысли сформировались два принципа анализа проблемы взаимосвязи частных и общих интересов, а в более широком социально-философском контексте – взаимосвязи человека и общества – принцип индивидуализма и принцип целостности, холизма. Первый опирается на предположение, что закономерности социально-экономического развития можно вывести из действий отдельного индивида, и утверждает приоритет индивидуалистических ценностей. Второй принцип, напротив, исходит из того, что целое не сводимо к единичному, обосновывает приоритет социального целого. В социально-этическом контексте холизм может быть интерпретирован как принцип коллективизма.

В эпоху античности и средневековья в социально-философских и экономических доктринах доминировал принцип холизма: частные вопросы не рассматривались вне общего, напротив, универсальные воззрения определяли подход к решению частных проблем. Это соответствовало иерархичности мышления и соответствующей картины мира того времени. Общество наделялось особой, надличностной силой, общим разумом, вырабатывающим обязательные для всех установления и оказывающим решающее влияние на формирование личности. Человек трактовался как часть общества, не способная к самостоятельному развитию вне целого.

Идеология индивидуализма в философии Нового времени разрабатывалась, опираясь первоначально на те же нормы, но стремясь найти им рациональное обоснование. Традиционные нормы не опровергались, однако, по сути, формировалось принципиально новое мировоззрение, поставившее отдельного «среднего» человека в центр мироздания. В новых концепциях общий разум складывался из согласия отдельных людей относительно их частных интересов; правила человеческой деятельности обосновывались, исходя из собственной выгоды действующих лиц.

Наиболее последовательно индивидуализм отстаивался деятелями английского Просвещенья.[1] В английской классической школе политэкономии пробле-

[1] Французские физиократы развивали традиционный подход к исследованию соотношения частных и общественных интересов. Ш.Л.Монтескье (1689-1755) рассматривал общество как вечное основание для действий отдельного человека, исследовал влияние исторических особенностей, обычаев, законов, принципов правления того или иного общества на развитие личности. Э.Кондильяк (1715-1780), исходя из анализа поведения человека, предоставленного самому себе, обосновывал необходимость социального влияния на формирование личности. Ф.Кенэ (1694-1774) исследовал условия пропорционального вос-

ма соотношения частных и общих интересов решалась на основе аксиомы Смита: каждый человек, преследуя собственную выгоду, одновременно служит интересам общества. А. Смит писал: «…он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»[1]. Смит как будто даже критикует намерения сознательно служить общему благу: «Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества»[2].

Смесью парадоксальных идей и некоторой «алхимии» охарактеризует А.Хиршман в конце XX века идеи об автоматическом превращении частных интересов в общественные[3]. Как отмечает Й.Шумпетер, одним из первых экономистов, развивавших эти идеи, был меркантилист Д.Норс. В его работе «Очерки о торговле» (1691) утверждается, что законодательное регулирование денежного обращения и уровня процента нарушает свободное перемещение капиталов. Механизм колебания цен товаров и уровня процентной ставки рассматривается как сила, способная направлять экономическую деятельность к наивысшей эффективности. Подобные идеи встречаются также в работах П. Буагильбера и, как утверждает известный историк экономической мысли К. Прибрам, в экономической теории У.Петти. А. Смит, по замечанию Й. Шумпетера, не высказал ни одной совершенно новой мысли, однако именно он первый показал, как именно стремление к личной выгоде дает общий полезный эффект.

Процедура добровольного обмена в условиях разделения труда отвечает, по Смиту, за превращение индивидуальной корысти в общую выгоду участвующих в обмене сторон, поскольку участники рыночных сделок могут извлечь доход, лишь предоставляя друг другу взаимовыгодные услуги. Но означает ли это одновременно превращение частного интереса в общественный? При ответе на этот вопрос принципиальное значение имеет характер и структура удовлетворяемых потребностей, а также круг участников обмена. Ответ будет утвердительным в том случае, если в рыночном спросе представлены все действительно важные потребности членов общества, а продавцы не склонны манипулировать поведением потребителей, навязывая искаженное представление о потребностях с целью извлечения собственной выгоды. Не случайно трактовка потребностей занимает центральное место в теории А.Смита, изложенной им в работе «Теория нравственных чувств» (1759).

производства общественного богатства и заложил основы макроэкономического анализа. Учение физиократов и английской школы политэкономии опираются на различные предпосылки относительно личности человека, целей его деятельности и механизмов их достижения. К социальным основам формирования личности физиократы относили необходимость ориентироваться не только на собственные, но и чужие нужды и интересы.

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443.

[2] Там же.

[3] «Смесь парадоксальных идей и некоторой «алхимии», присутствующая в этих конструкциях, делает их очень привлекательными, но она также приводит, в конце концов, к их уязвимости». (Хиршман А.О. Экономические интересы. Экономическая теория /Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2004. С.439)

Смит отмечал, что потребности человека относительны, поскольку каждый стремится превзойти других; а умножение потребностей является существенной характеристикой цивилизованного общества. «Что составляет предмет всякого труда, всей деятельности человека? Какую цель имеет в виду скупость, честолюбие, погоня за богатством, за властью, за отличиями? Удовлетворить собственные потребности? Но для этого достаточно заработной платы последнего ремесленника… Главная цель наша состоит в тщеславии, а не в благосостоянии или удовольствии; в основе же тщеславия всегда лежит уверенность быть предметом общего внимания и общего одобрения…»[1]. Тщеславие богатых и зависть бедных образуют, по Смиту, движущую силу «прогресса изобилия».[2]

За полвека до выхода в свет «Теории нравственных чувств» другой британский просветитель Б.Мандевиль сделал еще более смелое заявление, утверждая, что без эгоистических пороков общество не может процветать. «Апологией пороков» признается произведение Б.Мандевиля «Басня о пчелах» с характерным подзаголовком: «Пороки частных лиц – блага для общества». Автор доказывал, что «самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства»[3]. Тщеславие, алчность, зависть заставляют людей соперничать друг с другом; в конкурентной борьбе раскрываются способности людей, что стимулирует трудовую деятельность. «…я показываю, - говорил Мандевиль, - что эти самые пороки каждого отдельного лица… служат величию и всеобщему счастью целого»[4]. А.Смит называл систему взглядов Мандевиля легкомысленной, пагубной и объявлял ошибочной мысль, что эгоистические пороки составляют всеобщее благо.[5] Тем не менее на страницах произведений классика политической экономии неоднократно встречаются высказывания подобного рода: «Несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они (богатые – Н.П.) преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания… без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам…»[6].

«Басня о пчелах» оставила заметный след в философии европейского Просвещенья. Ее основное положение – пороки служат общему благу, по замечанию Ф.Ланге, «было некоторым образом тайною статьею Просвещенья, которая редко упоминалась, но никогда не забывалась»[7]. Как отмечал Э.Берк, цивилизованное общество создает фундамент для коммерции, а не наоборот. В дальнейшем этот тезис развивался в трудах многих ученых: Р.Вагнера, Й.Шумпетера, К.Поланьи, Ф.Хирша и др.

---

[1] Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 69-70.

[2] В последствии, однако, А.Смит высказывал опасения относительно того, что предрасположенность к преклонению перед богатыми и великими может вести к порче нравственности. (См.: Робертсон Дж. Шотландское просвещение / Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 778)

[3] Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М.: Наука, 2000. С. 5.

[4] Там же. С. 6.

[5] См.: Смит А. Теория нравственных чувств. С. 302.

[6] Там же. С. 185.

[7] Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб., 1883. Т.2. С. 392.

Между тем вопрос о влиянии потребления на экономический рост трактуется в экономической теории неоднозначно. Дж. С. Милль выделял производительное и непроизводительное потребление: «Производительными потребителями могут быть только производительные работники, включая сюда, разумеется, и труд руководителей, и труд исполнителей. Но потребление даже производительных работников не является целиком производительным потреблением. …Все, что они потребляют для поддержания и улучшения своего здоровья, для увеличения своих сил и способностей к труду или для того, чтобы вырастить себе на смену других производительных работников, все это – производительное потребление. Но потребление, состоящее в получении удовольствий или в приобретении предметов роскоши, осуществляется ли оно праздным или трудолюбивым человеком, представляет собою непроизводительное потребление, поскольку оно не имеет своей целью производство или какую-либо форму развития производства»[1]. Главным условием экономического роста он считал воздержание от непроизводительного потребления.

Склонность к сбережению в протестантской этике оценивается как свойство добродетели и необходимое качество предпринимательской деятельности. Это сформировало традиции сбережения в западном обществе. В классической и неоклассической экономической теории мотивы сбережения рассматриваются как важнейший фактор экономического роста. Однако недостаточно лишь воздержаться от (непроизводительного) потребления (сберечь), необходимо инвестировать накопленные средства. Однозначно позитивная оценка сбережений опирается на представление об автоматической их трансформации (посредством рыночного механизма) в инвестиции. Заслугой Дж. М. Кейнса является строгое разграничение процессов сбережения и инвестирования по мотивам, механизмам и субъектам деятельности. Инвестиционная деятельность, подчеркивал Кейнс, не поддается рациональному расчету, поскольку ориентирована на будущее, принципиально не предсказуемое. Индивидуальная оценка ожидаемых доходов от инвестирования складывается «как результат массовой психологии большого числа несведущих индивидуумов, подвержена резким изменениям под влиянием внезапных колебаний в мнениях, обусловленных факторами, которые в действительности не имеют большого значения для ожидаемых доходов…»[2]. Отдельный человек из-за недостатка информации, ограниченности своих возможностей, инертности не в состоянии сделать оптимальный выбор. Наличие квалифицированных профессионалов на рынке инвестиций не может нейтрализовать «причуды неосведомленного индивидуума, предоставленного самому себе». Деятельность профессиональных инвесторов и биржевых игроков зачастую направлена не на то, чтобы «составить наилучший долгосрочный прогноз ожидаемого дохода от инвестиций за все время их эксплуатации. …Их интересует не реальная стоимость какого-то объекта вложения капитала для человека, который покупает его с тем, чтобы «приберечь» его для себя, а то, как рынок будет оценивать его под влиянием массовой психологии через три месяца или через год»[3]. Такое поведение вполне соответствует принципам, в соответствии с которыми функцио-

[1] Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007. С. 134.
[2] Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007. С. 162.
[3] Там же.

нирует рынок. Поэтому Кейнс призывает государство стимулировать «деятельность для будущего». Государство, располагая доступом к информации, обладает более обоснованным знанием о текущем и будущем состоянии экономики и поэтому должно активно влиять на выбор и поведение индивидов.

Неспособность (или незаинтересованность) отдельного человека оценить степень значимости общественных благ и, следовательно, предъявить спрос на соответствующие услуги волновала многих исследователей. Так, Дж. С. Милль отмечал, что частная инициатива не может охватить «целый ряд таких случаев, когда возникает необходимость в предоставлении обществу важных услуг, однако нет никого, кто был бы особенно заинтересован в осуществлении этих услуг, да и само их выполнение не сопровождается при естественном или стихийном течении дел надлежащим вознаграждением»[1]. В качестве примера Милль приводил морские экспедиции, научные исследования, строительство маяков. Дж. Бьюкенен и Г. Таллок, разделяющие веру в способность рыночного механизма согласовывать частные интересы на общее благо, тем не менее отмечают: «…индивиды, если им предоставить полную свободу частного выбора, могут не дать своим детям достаточного образования, могут не соблюдать в районе своего проживания правил противопожарной безопасности, могут не уничтожать в своих владениях москитных гнезд, могут не объединяться в достаточно большую группу для наиболее эффективного приобретения услуг полицейской охраны и т.д.»[2]. П. Самуэльсон подчеркивает заинтересованность индивидов давать «ложные сигналы» относительно требуемого количества общественных благ с целью снижения налогового бремени. Р. Масгрейв обсуждает наличие мериторных товаров, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от желаемого со стороны общества. Без участия государства индивидуальные решения могут не соответствовать не только общественным, но и собственным интересам лиц, принимающих эти решения. Наглядным примером тому служит недобросовестная реклама, сокрытие дефектов в произведенной продукции и т.п. Во всех этих случаях рассуждения о способности рыночного механизма преобразовывать корыстный интерес в общее благо несостоятельны.

В современную эпоху к перечисленным выше добавляются новые обстоятельства, наличие которых способствует превращению частной выгоды в общие бедствия. Научно-техническая революция столкнула человечество с ограниченностью природных ресурсов. Загрязнение атмосферы и водного бассейна, истощение почвенного покрова, глубокие и необратимые изменения, происходящие в природе под воздействием возросшей технологической мощи частных экономических агентов, подрывают условия жизнедеятельности человеческого общества. «Поэтому общество не должно без предварительной экспертизы производить все, что может производить, не должно делать все то, что оно может делать», - отмечает член-корреспондент РАН А.Г. Спиркин[3].

Может ли экономический интерес общества состоять в максимизации материального благосостояния, невзирая на деградацию нравственных устоев и

[1] Милль Дж. С. Указ. Соч. С. 981.
[2] Бьюкенен Дж. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии /Дж. Бьюкенен, Г. Таллок / Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М., 1997. С. 108-109.
[3] Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2007. С. 554.

природной среды? Удельный вес предметов жизненной необходимости в произведенном продукте неуклонно снижается вместе с падением уровня доходности в традиционных отраслях экономики. В эпоху развитой индустрии, насытившей платежеспособный спрос на стандартные товары массового потребления, неуклонно растет доля продукции, дифференцированной с целью стимулирования продаж и максимизации прибыли частных агентов рынка. При этом, безусловно, полнее удовлетворяются потребности живущего поколения людей, однако отнюдь не в предметах жизненной необходимости. Напротив, естественным условиям жизни и деятельности людей наносится непоправимый ущерб. Может ли экономика выдвигать цели, достижение которых препятствует реализации более важных интересов самосохранения и выживания человека и человечества? Отрицательные последствия эгоистических устремлений частных экономических агентов не превышают ли достижений цивилизации?

Идея о трансформации частных интересов в общее благо иногда трактуется в экономической литературе как *совпадение* интересов. Так, А.О. Хиршман, обсуждая аксиому Смита, отмечает: «Интригующий парадокс заключался в утверждении, что *общий* интерес и общее благосостояние обеспечивают деятельность на основе собственных интересов бесчисленных децентрализованных агентов. Разумеется, это был не первый и не последний случай утверждений о тождественности, совпадении или гармонии интересов части и целого»[1]. Действительно, эта идея послужила возникновению нескольких направлений подобного анализа. Различные школы Нового времени обосновывали интересы отдельных групп общества в качестве интересов общества в целом. Так, меркантилизм связывал процветание нации с развитием торговой деятельности, поэтому государству предписывалось поддерживать торговую элиту. У физиократов интересы общества непосредственно связаны с интересами класса сельскохозяйственных производителей. Отличие их идеи от меркантилистской состоит также в том, что отрицается позитивная роль государства как инструмента наиболее полной реализации интересов избранного ими класса. Мыслители европейского Просвещенья считали общественные интересы идентичными интересам развивающейся промышленной буржуазии. Роль государства усматривалась в сохранении «естественных» прав, которыми в изобилии обладает буржуа. «Краеугольным камнем» марксистской концепции является отождествление интересов общества с интересами рабочего класса. Особенностью этого подхода является, однако, не только выделение интересов отдельного класса перед всеми иными, но и противопоставление их интересам другого класса – капиталистов. Поэтому утверждение о тождественности интересов общества с интересами рабочего класса означает одновременно, что интересы класса капиталистов противоречат общественным интересам. Характеризуя ограниченность исторической роли буржуазии, К.Маркс писал о том, что «…интерес капиталистов, даже согласно общераспространенной политико-экономической точке зрения, враждебно противостоит интересу общества…»[2]. Одним словом, интерпретация общественного интереса существенно различалась в зависимости от того, каким образом оцени-

[1] Хиршман А.О. Указ. Соч. С. 439.

[2] Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956. С. 538. (Цит. по: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М.Румянцев. М., 1975. Т. 2. С. 43.)

валась роль различных социальных групп и классов общества на разных этапах исторического развития. Однако все попытки представить интересы одной части общества в качестве общественных интересов страдают существенным недостатком – односторонним подходом к оценке многофакторного процесса экономического развития. Выделение интересов отдельной части общества как приоритетных (доминирующих, господствующих) означает подчинение интересов остальных членов общества отнюдь не общественным, как это утверждается в рассмотренных концепциях, а интересам другой группы лиц, в этом смысле тоже «частным» интересам, интересам другой части общества.

И, наконец, идея о тождественности частных и общественных интересов, возможно, послужила фундаментом для отрицания самой реальности существования последних. Так, И.Бентам следующим образом излагает суть общественного интереса: «Интерес общества есть одно из самых общих выражений, какие только встречаются во фразеологии нравственного учения: неудивительно, что смысл его часто теряется. Когда это слово имеет смысл, он таков. Общество есть искусственное т е л о, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены. Что же такое в этом случае интерес общества? Сумма интересов отдельных членов, составляющих его»[1].

В учении Смита, однако, тезис о трансформации частных интересов в общественные не означает их совпадения, тождественности. Напротив, подчеркивается необходимость подчинения частных интересов общественным: «Добродетельный человек готов в любое время пожертвовать своим личным интересом ради интересов сословия или отдельного сообщества, к которому он принадлежит. Он равным образом желает, чтобы интересы этого сословия или сообщества уступали более широким интересам государства, часть которого оно составляет. Поэтому он должен желать, чтобы интересы его страны приносились в жертву еще более широким интересам всего мира…»[2]. По Смиту, реальны и частные, и общественные интересы. По Бентаму, единственно реальными являются интересы частных лиц, а общество являет собой «искусственное тело». Так утилитаризм преобразовал классический либерализм.

Учение о гармонии интересов занимает центральное место в современных либеральных экономических доктринах. Доказательству этого положения фактически посвящена первая теорема новой теории общественного благосостояния. Наиболее настойчиво эти идеи отстаиваются чикагской школой неоклассического анализа и неоавстрийской школой. Л.Мизес утверждает, что в рыночной экономике не существует конфликта между интересами покупателей и продавцов, поскольку добровольная рыночная сделка всегда выгодна обеим сторонам. Отсутствие конфликта интересов объясняется благотворной ролью разделения труда, послужившего росту индивидуальной и общественной производительности. Эти идеи созвучны классическим положениям, но в дальнейших рассуждениях Л.Мизес обращается к феномену конкуренции как основы гармонии интересов: «Место биологической конкуренции занимает каталлактическая (рыночная – Н.П.) конкуренция. Это ведет к гармонии интересов всех членов общества. Обстоятельство, из которого возникают неразрешимые конфликты биологиче-

[1] Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. С. 10-11.
[2] Смит А. Теория нравственных чувств. С. 231-232.

ской конкуренции, а именно тот факт, что все люди стремятся, вообще говоря, к одним и тем же вещам, трансформируется в фактор, приводящий к гармонии интересов»[1]. Здесь можно было бы вспомнить отзыв А. Хиршмана относительно учений о гармонии. Каким образом рыночная конкуренция, которой неизбежно сопутствуют не только победы, но и поражения: убытки, банкротства фирм, безработица - ведет к гармонии интересов всех членов общества? Л.Мизес объясняет это тем, что рыночная конкуренция стимулирует рост масштабов производства и снижение на этой основе издержек «до такой степени, что они (товары – Н.П.) становятся доступны по низким ценам»[2]. Неужели рыночная экономика, базирующаяся на крупномасштабном производстве, отличается способностью к автоматическому снижению цен вслед за уменьшением затрат? Л.Мизес отмечает единственное препятствие этому - практику монополистического ценообразования: «Действительно, следует признать, что появление монопольных цен (а не монополия как таковая без монопольных цен) создает несоответствие между интересами монополиста и интересами потребителей. …В той степени, в какой существуют монопольные цены, интересы монополистов получают приоритет над интересами общества, а демократия рынка ограничивается»[3]. Л. Мизес отчасти оправдывает существование монопольных цен наличием авторского права и необходимостью приобретения патентов на инновационную продукцию. При этом, однако, подчеркивает, что практика монополистического ценообразования является преимущественно следствием (а не причиной) вмешательства государства в экономику. Возможные убытки и банкротства, возникающие в процессе конкурентной борьбы, рассматриваются как результат недостаточной проницательности, проявленной при прогнозировании будущих событий. На этих основаниях Л. Мизес формулирует «теорему гармонии правильно понимаемых интересов всех членов рыночного общества»[4]. «Правильно понимаемые», по Мизесу, - это «интересы в долгосрочной перспективе». При обосновании «теоремы» Мизес ссылается на аксиому Смита. Однако остается непонятным, каким образом в рыночной экономике установится гармония долгосрочных интересов, если участники рыночных сделок настоящие блага ценят выше будущих благ? Даже если согласиться с тем, что банкротства являются результатом неправильного предвидения собственников фирм, все же трудно признать эту ситуацию «гармонией».

Кроме исключения практики монополистического ценообразования Л. Мизес выделяет дополнительное условие выполнимости данной «теоремы» - контроль рождаемости. Рыночная экономика, полагает Мизес, автоматически обеспечивает такого рода контроль, поскольку «каждый индивид добровольно стремится не производить на свет детей, которых он не может вырастить без существенного снижения уровня жизни своей семьи. …Там, где вследствие избыточного увеличения численности населения понижается средний уровень жизни, возникают неразрешимые конфликты интересов. Каждый индивид вновь стано-

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 631.
[2] Там же. С. 632.
[3] Там же. С. 638.
[4] Там же. С. 632. Примечательно, что рыночный тип организации хозяйства (по Аристотелю, хрематистика) интерпретируется как тип общества в целом.

вится соперником всех остальных индивидов в борьбе за выживание»[1]. Как видим, Л.Мизес распространяет экономический подход на неэкономические сферы человеческой деятельности, обнаруживая устремления «экономического империализма».

Учение Мизеса о гармонии (как и любое учение подобного рода) неразрывно связано с принципом индивидуализма. «Прежде всего мы должны осознать, - отмечается в трактате по экономической теории, - что все действия производятся индивидами. …Наличие наций, государств и вероисповеданий, общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов. …Просто коллектив образуют определенные действия индивидов»[2]. К последним словам, однако, следует добавить, что действия индивидов при разделении труда неизбежно предполагают их *взаимодействие,* характер которого в значительной степени формирует своеобразие коллективов, наций, государств и, в целом, общественного сотрудничества. Л. Мизес признает наличие связей в действиях индивидов, но они не являются предметом его исследования. Эту область человеческой деятельности он относит к разряду психологических явлений. Предметом праксиологии, по Мизесу, является не просто действие индивида, а отдельное действие, «которое определенный человек совершил в определенный день в конкретном месте»[3]. Поэтому праксиология (от греч. – действие) опирается на принцип «методологической единичности». Так, из анализа отдельных действий, причем вне их связи друг с другом, предполагается создать «науку о любом виде человеческой деятельности»[4].

Логическим завершением либертаристской доктрины является отрицание не только возможности, но даже и необходимости сознательного выбора целей общественного развития. По Мизесу, социальная эволюция не может быть изучена в терминах закона и цели. Она состоит из отдельных действий и является столкновением различных целей.[5] По Хайеку, единственным механизмом, способным соединять отдельные действия для достижения общественно значимых целей, является рынок; посредством рыночного механизма общий интерес реализуется автоматически. В работе «Пагубная самонадеянность» Ф.Хайек отмечает: «Такие институты по сбору информации, как рынок, позволяют нам использовать рассеянное незримое знание для формирования надындивидуальных схем. После того, как институты и традиции, основанные на такого рода надындивидуальных схемах, получили развитие, стремление к согласию относительно какой-то общей цели… перестало быть обязательным, поскольку широко рассеянные среди людей знания и навыки теперь вполне можно было пускать в ход для достижения самых разнообразных целей»[6].

Можно выделить общую закономерность в теоретических конструкциях радикального либерализма: опирающиеся на принцип методологического индивидуализма они отстаивают идею автоматической трансформации посредством

[1] Там же. С. 630.
[2] Там же. С. 43, 44.
[3] Там же. С. 45.
[4] Л.Мизес характеризует праксиологию как «общую теорию человеческого выбора», «науку о любом виде человеческой деятельности». (Там же. С. 6, 7.)
[5] См.: Мизес Л. Теория и история. М.: ЮНИТИ, 2001. С.133-142.
[6] Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 30-31.

рыночного механизма частных интересов в общее благо, вследствие чего отрицается необходимость сознательного «стремление к согласию относительно какой-то общей цели», т.е. сознательного определения общественного интереса. Различия касаются того, из каких посылок исходят авторы при оценке начального соотношения интересов различных субъектов и общества в целом: находятся ли они в состоянии конфликта или конфликт интересов отсутствует. В одних случаях конфликт интересов отрицается, в других - признается. Однако признание конфликта не препятствует реализации отмеченной выше закономерности, поскольку рыночный механизм наделяется способностью преобразовывать эгоистические устремления на общую пользу. Подобная логика исследования характерна неоинституциональной теории общественного выбора.

Применяя экономические принципы к анализу моделей политического поведения, сторонники теории общественного выбора обращают внимание на то, что последовательная реализация индивидом своих интересов может привести к негативным общественным последствиям. Такие формы поведения, как обман, мошенничество, оппортунизм, коррупция и т.п., выглядят вполне эффективными с точки зрения извлечения индивидуальной выгоды, но в социальном плане их роль исключительно деструктивная. Однако в отношении способов разрешения возможных конфликтов между частными и общими интересами обнаруживается двойственность. С одной стороны, утверждается необходимость приоритета моральных принципов. Так, излагая взаимосвязь политики и экономики, Дж. Бьюкенен и Г. Таллок отмечают: «…деяния людей, если они не связаны этическими, или моральными ограничениями, вполне естественно направлены на продвижение индивидуального, или частного, интереса. (Такая точка зрения на человеческую природу по существу заимствована у философов-утилитаристов.) Из этого непосредственно следует, что отдельный человек должен предпринимать определенные усилия, чтобы сдерживать свои «страсти» и действовать в соответствии с этическими, или моральными, принципами всякий раз, когда общественные институты и мораль требуют пожертвовать некоторыми частными интересами»[1]. Обсуждая процесс «обуздания частного интереса», авторы «Расчета согласия» приводят замечание Д. Робертсона, которое считают «возможно лучшим» на этот счет: «В душе каждого человека идет неизбежная борьба между инстинктами агрессивности и стяжательства и инстинктами самопожертвования и щедрости. Долг проповедника, светского или духовного, - внушить необходимость элементарного подчинения первых последним. Роль экономиста более скромная и часто неблагодарная – сделать насколько в его силах задачу проповедника выполнимой. Обязанность экономиста – издавать предупреждающий лай всякий раз, когда он видит, что отстаиваются и поддерживаются такие направления деятельности, которые излишне увеличивают напряжение между эгоистическим интересом и общественным долгом; и одобрительно вилять хвостом, когда он видит, что люди стремятся снизить это напряжение до приемлемого уровня»[2].

[1] Бьюкенен Дж. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии /Дж Бьюкенен, Г. Таллок / Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М., 1997. С. 63.
[2] Там же. С. 63-64.

Эти высказывания Дж. Бьюкенена и Г. Таллока комментируются в послесловии к их работе «Расчет согласия» редакционным советом следующим образом: «Этот тезис авторов «Расчета согласия» не следует абсолютизировать: он верен в полной степени только для обществ, основанных на индивидуалистических ценностях. Напротив, в обществах, где доминируют коллективистские ценности (таковыми являются доиндустриальные общества, современные неевропейские цивилизации), индивид автоматически подчиняется нормативным требованиям общественной морали, и ему, напротив, надо предпринимать усилия, чтобы осознать отличие своих частных интересов от интересов общества»[1]. Как известно, никакого автоматизма в подчинении нормам общественной морали не существует ни в одном обществе. В обществах, основанных на индивидуалистических ценностях, провозглашается приоритет личности перед сообществами, членом которых она является (принцип субсидиарности), но не перед общественной моралью. Основные требования общественной морали, основанной как на индивидуалистических, так и на коллективистских ценностях, имеют общечеловеческий характер. Страшно представить себе общество, члены которого не предпринимают усилий, чтобы сдерживать свои «страсти», инстинкты агрессивности и стяжательства доминируют над инстинктами самопожертвования и щедрости, а напряжение между эгоистическими интересами и общественным долгом растет выше всякой меры, и еще страшнее жить в таком обществе. «Однако общество не может просуществовать долго, - предупреждал А.Смит, - если в нем люди всегда готовы нанести друг другу обиду или вред. В ту самую минуту, когда начинаются оскорбления, поднимаются взаимная вражда и негодование друг против друга, общество разделяется; различные члены, составляющие его, как бы распадаются и рассеиваются далеко один от другого силою и сопротивлением противоположных стремлений и таких же интересов»[2]. Думается, однако, что в послесловии обсуждение проблемы согласования интересов заменяется вопросом идентификации частных интересов. Вместе с тем следует признать, что переход к рыночным отношениям неизбежно сопровождается поощрением «инстинктов агрессивности и стяжательства» и ослаблением «нравственной и культурной узды». Платой за «прогресс изобилия» является деградация культурной среды, что со всей очевидностью отмечено в трудах просветителей.

Двойственность позиции сторонников теории общественного выбора по поводу соотношения частных и общих интересов проявляется в том, что, признавая необходимость подчинять собственные интересы общественному долгу, они одновременно доказывают возможность использования «экономического подхода», отстаивающего свободу реализации принципа личной выгоды, в сфере политики. Под доминирующим влиянием моральных принципов формируются, по мысли Дж. Бьюкенена, конституционные правила, а конкретные решения в области коллективных действий принимаются на основе частной выгоды. Однако в изложении этого вопроса обнаруживается непоследовательность. В «Конституции экономической политики» Дж. Бьюкенен утверждает: «Индивид понимает, что действие конституционных правил рассчитано на несколько исторических периодов, в течение которых не одно поколение сделает свой выбор. По-

[1] Там же. С. 496.
[2] Смит А. Теория нравственных чувств. С. 101.

этому невозможно определить последствия влияния любых правил на интересы конкретного человека. Следовательно, основой для выбора конституции должны быть всеобщие принципы справедливости, использование которых – гораздо более эффективный путь к согласию, нежели реализация личных интересов каждого человека в отдельности»[1]. Но в совместной работе с Г.Таллоком «Расчет согласия» отмечается, что «рациональный индивид в момент конституционного выбора попытается выбрать то правило принятия решений, которое будет *минимизировать* текущую стоимость тех ожидаемых издержек, которые он должен понести»[2]. Обсуждая процесс выбора конституционных правил, основоположники конституциональной теории отмечают: «Рациональный выбор будет зависеть в любом случае от собственных оценок индивидом ожидаемых издержек»[3]. Не только конкретные решения в области коллективных действий, но и выбор конституционных правил в системе Бьюкенена и Таллока осуществляется на принципах индивидуального рационального расчета. Но если в любом случае выбор будет определяться индивидуальными оценками выгод и затрат, то какова же роль моральных принципов?

Авторы «Расчета согласия» позитивно оценивают историческую роль моральных принципов в возникновении и развитии либерального общества: «В течение веков в иудейско-христианском мире признавались определенные этические идеалы, по крайней мере, до некоторой степени. Одним из них была ответственность индивида за свой выбор, в ходе которого он должен учитывать более широкие цели, чем свои корыстные и краткосрочные интересы. …Повсеместное принятие иудейско-христианской морали, возможно, было необходимым условием развития любого действительно свободного общества»[4]. Однако, авторы находят, что строгое следование принципам морали чревато социальными конфликтами: «Буквальное следование заповедям золотого правила может спровоцировать конфликт между интересами индивидов той же интенсивности, что и в условиях чистого эгоизма. Христианский идеализм, способствующий возникновению более гармоничного общественного устройства, должен быть умерен…»[5]. Противоречие между общественным долгом и личной корыстью предлагается «снять» путем корректировки этических норм. В каком же направлении? Дж. Бьюкенен и Г.Таллок формулируют следующий моральный императив: «Христианский идеализм… должен быть умерен принятием морального императива индивидуализма - правила равной свободы. Повсеместное закрепление за индивидом прав делать все, что он хочет, до тех пор, пока его действия не посягают на свободу других, должно быть отличительной чертой любого «идеального» общества. Заповедь «возлюби ближнего своего, но оставь его в покое, когда он этого желает» можно в некотором смысле назвать основным этическим принципом западного либерального общества»[6]. Интересно, какого рода неравенство усматривают авторы в «христианском идеализме»? К этой теме Дж. Бьюкенен и Г. Таллок возвращаются неоднократно, - речь идет о «дискриминационном» на-

[1] Там же. С. 26.
[2] Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. С. 104.
[3] Там же. С. 115.
[4] Там же. С. 202.
[5] Там же. С. 202-203.
[6] Там же. С. 203.

логообложении: в прогрессивной системе налогообложения усматривается дискриминация обеспеченных слоев населения.[1] Христианский призыв помощи бедным предлагается умерить требованием «равной свободы». Либо бедные призываются помочь богатым, либо богатые просят «оставить их в покое». Для «золотого миллиарда», генерирующего подобные идеи, проблема абсолютной бедности не актуальна. Но для России, как и многих других стран, уровень среднедушевого потребления в которых существенно ниже, а проблема абсолютной бедности затрагивает значительную часть населения, трактовка прогрессивной системы налогообложения как дискриминационной, причем с явно выраженным этическим смыслом, в высшей степени не корректна.

В качестве средства достижения согласия, способного не только снизить, но даже и устранить вероятные конфликты между личными и общими интересами, предлагается при решении вопроса о коллективных действиях использовать правило единогласия. Понятно, что при обсуждении социальных проблем единого мнения у лиц, участвующих в разработке решения, быть не может. Но обычно существует различная степень заинтересованности в принятии тех или иных решений. Это открывает возможности «стратегической торговли»: «Понимание индивидом того факта, что вопросы, решаемые коллективно, не являются единичными и изолированными, налагает жесткие ограничения на любой анализ отдельных решений. Вопросы могут быть совершенно не связаны друг с другом по существу, но рациональный участник осознает временную последовательность политических решений. Более того, это подвинет его на поиск «выгод от обмена» там, где это возможно, путем обмена своего голоса при решении одного вопроса на ответную поддержку его интересов другими участниками при решении других вопросов»[2]. Единогласие, достигнутое участниками коллективного выбора в процессе добровольного обмена голосов аналогично свободному обмену товаров на рынке, что доказывает, по мнению Дж. Бьюкенена, его эффективность, а, по мнению К. Викселя, - также и справедливость, поскольку рыночный обмен объединяет обе нормы.[3]

«Идеальное общество» в представленной системе взглядов составляет совсем не «идеальный – сознательный и щедрый – народ. Авторы «Расчета согласия» развивают взгляды Гоббса на природу человека и общества: «Человек – раб своих страстей, и, осознавая это, он может объединиться со своими собратьями в рамках такой организации, в которой взаимные выгоды от социальной взаимозависимости могут эффективно максимизироваться»[4]. В конституциональной теории отвергается органическая концепция общества «как некоего более мудрого субъекта, нежели индивиды, являющиеся его членами», а вместе с этим и «философское заблуждение, что люди участвуют в политической деятельности, движимые общим стремлением к поиску добра, справедливости и красоты»[5]. И, несмотря на то, что авторы стремятся «не выходить за пределы реальности», они

[1] Л. Мизес называет прогрессивную систему налогообложения «конфискационной» и методом замаскированной экспроприации. (См.: Мизес Л. Человеческая деятельность. С. 755, 757.)
[2] Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. С. 152.
[3] См.: Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики / Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т 1. М., 1997. С. 25.
[4] Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. С.206.
[5] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.30, 22.

конструируют систему, которая «минимизирует издержки (максимизирует выгоды) жизни в сообществе»[1]. Это достигается заимствованием классической идеи об автоматической трансформации частных интересов посредством рыночного механизма в общее благо. Чтобы подчеркнуть эту преемственность, Дж. Бьюкенен называет неоинституционализм «новой политической экономией». Однако если А.Смит рекомендует умерить эгоизм во всех случаях, когда частный интерес противоречит общественному долгу, то Дж. Бьюкенен и Г. Таллок - пересмотреть моральные законы.[2]

Оригинальный подход к соотношению частных и общих интересов представлен в теоретической модели Х. Марголиса. В основание модели положена парадигма «двоемыслия индивидов», используемая в рамках основного течения современной экономической теории в отношении общественных благ. Эту парадигму в западной экономической науке развивали Р.Талер, Х.Шифрин, М.Титцель, К.Мюллер, П.Самуэльсон, Р.Масгрейв, в российской - А.Д.Некипелов. Марголис допускает существование в человеке одновременно эгоистических и альтруистических устремлений, соотношение между которыми определяет, по мнению автора, «справедливую долю» индивидуальных и групповых интересов. Термин «альтруизм», согласно общепринятому употреблению, имеет смысл, противоположный эгоизму и означает бескорыстную заботу о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами.[3] Марголис использует этот термин как «чувство социальной ответственности», трактуемое в работе «Эгоизм, альтруизм и рациональность: Теория социального выбора» (1982) как групповой интерес. Вместе с тем автор подчеркивает, что поведение человека даже в том случае, когда внешнему наблюдателю оно представляется вредным для самого человека или окружающих его людей, может быть рациональным[4]. Следовательно, не только эгоизм, но и альтруизм может быть основой рационального поступка. Причем альтруистический поступок может быть рациональным, т.е. разумным и выгодным, не только с общественной точки зрения, но и индивидуальной. Альтруизм в том смысле, в каком используется это понятие в данной модели, - отнюдь не противоположность эгоизму, а его превращенная форма, мнимое пожертвование собственными интересами. Альтруизм предполагает учет интересов других людей и общества в целом лишь в той мере, в какой это выгодно индивиду. Обсуждая модель Марголиса, А. Рубинштейн отмечает: «…Марголис твердо стоит на том, что альтруизм является частью эгоистической мотивации»[5]. Поэтому утверждение о том, что из «твердо-

[1] Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. С.203.

[2] Аналогичные результаты характерны исследованиям чикагской школы. Перечисляя наиболее известных ее представителей (М. Фридмена, Дж. Стиглера, Г. Уоллиса, Г. Беккера), Р. Швери отмечает: «Во все большей степени эти ученые отказывались от «оков моральных суждений», сводя исследования к простому формальному моделированию сложных социальных и экономических явлений, укладывая все их многообразие в весьма абстрактные ценовые различия, которые могли быть проанализированы при помощи простых инструментов». (См.: Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 48)

[3] См.: Краткий словарь иностранных слов /Сост. С.М. Локшина. 6-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. , 1979. С. 22.

[4] См.: Margolis H. Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice. Chicago and London: University of Chicago Press, 1982. P. 14.

[5] Рубинштейн А. Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 102.

го ядра» аксиоматики неоклассической теории Марголис пожертвовал эгоизмом[1], выглядит преувеличением. Напротив, Марголис представил эгоизм в качестве всеобщей основы человеческой мотивации, включив в содержание данного понятия элемент, имеющий, с общепринятой точки зрения, противоположный смысл. При этом «единство противоположностей» достигается отнюдь не с позиции диалектической логики, а посредством формально-логических построений.

«Справедливая доля» индивидуальных и групповых интересов, по Марголису, определяется в процессе конкурентной борьбы. Развивая идеи Гоббса, Марголис полагает, что именно конкуренция составляет наиболее глубинную основу социальной организации. Проникая во все сферы общественной жизни, конкуренция принимает всеобъемлющий характер и распространяется на отношения внутри групп и между группами. Внутри групп, замечает Марголис, побеждают эгоисты, между группами – альтруисты. Выбор «справедливой доли» индивидуальных и групповых интересов описывается с позиции дарвинизма: при отборе конкурентное преимущество получают те «виды», в которых возможен компромисс между индивидуальными и групповыми интересами. Однако никакого нормативного содержания в «чувство социальной ответственности» не вкладывается, альтруизм не предполагает «чувства долга», поскольку считается, что все оценки и компромисс между ними формируются внутри индивидов. Следовательно, никакого автономного группового интереса не существует. Так реализуется в данной концепции принцип индивидуализма. Включение альтруизма в качестве элемента мотивации индивидуального поведения не вносит принципиальных изменений в неоклассическую модель рационального выбора, поскольку альтруизм наделяется своекорыстной природой.[2]

Индивидуалистический подход к анализу общественных явлений хотя и преобладает в современной экономической теории, однако не исчерпывает всего многообразия методологических подходов. Системный анализ, диалектическая логика, так называемый социальный подход опираются на принцип целостности, холизма. Основной методологический тезис холизма (от греч. – целый, весь) заключается в том, что только целостный анализ всех сторон, свойств, признаков, форм проявления объекта исследования может дать адекватное представление о нем. Знание лишь отдельных элементов не дает оснований делать выводы относительно объекта в целом. Холистический подход опирается на идеи Платона, французских философов Нового времени, учение Гегеля. Большой вклад в его развитие внесла немецкая «историческая школа» в политэкономии. В современной экономической теории методологии холизма придерживаются различные течения социализма, марксизм, традиционный институционализм, а также леворадикальные социально-экономические школы.

В отечественной экономической науке вопрос о принципах согласования экономических интересов трактуется неоднозначно. В экономической энцикло-

[1] См.: Там же. С. 103.

[2] Не может не беспокоить практика широкого использования иностранных терминов в отечественной экономической литературе. Иногда их смысл, заложенный в авторских концепциях, не соответствует общепринятому значению слов на русском языке. Можно привести ряд примеров подобного рода расхождений. Одна из задач современной отечественной науки – обнаружить имеющиеся различия и проанализировать следствия, вытекающие из некритического заимствования иностранных терминов.

педии под редакцией Л.И.Абалкина, с одной стороны, присутствует апелляция к аксиоме Смита: частные интересы, «будучи побуждением к действию индивидов, обеспечивают тем самым и механизм реализации общего интереса»[1]. С другой стороны, утверждается, что «отнюдь не всегда и не во всем коллективный, а тем более частный интерес совпадает с общим интересом»[2]. На этом основании делается вывод относительно роли государства в процессе согласования экономических интересов: «Государство в интересах всех социальных групп и слоев, а также отдельных индивидов регулирует и контролирует как частные, так и групповые (коллективные) интересы, формируя и защищая государственный интерес»[3]. Однако содержание государственного интереса не поясняется.

Существование интереса общества как такового признается не всеми исследователями. В экономических концепциях, сложившихся в отечественной науке, можно обнаружить отмеченную выше закономерность: строгое следование принципу методологического индивидуализма приводит к отрицанию существования автономного общественного интереса[4]; смягчение принципа индивидуализма дает противоположный результат, «допускающий существование групповых интересов наряду с предпочтениями индивидов»[5]. Влияние неоклассического подхода, доминирующего в современной экономической теории, проявляется, в частности, в том, что даже в тех случаях, когда существование общественных интересов не отрицается, заметно стремление уклониться от их собственного названия. Так, общественные интересы называют групповыми интересами, а также интересами, складывающимися на макроуровне. При этом отмечается необходимость компромисса при согласовании интересов различных субъектов экономической деятельности. Идея компромисса увязывается с системной организацией экономических отношений путем разработки норм, механизмов и форм взаимодействия принципов рыночной экономики с принципами федерализма и самоуправления - регионального и местного. К числу наиболее значимых системно реализуемых средств относится регулирование отношений собственности, бюджетно-налоговых, природоресурсных и иных. Однако следует отметить, что такой «компромисс» устанавливается в значительной степени помимо непосредственных субъектов экономических отношений, преобразуя макроэкономическую среду их деятельности.

Имеется и альтернативная классической догме позиция, подчеркивающая негативную роль эгоизма в общественно-экономической практике, «не просто деморализующее влияние эгоизма на поведение человека или группы индивидов в плоскости экономических отношений, а дезорганизующее, и в этом смысле разрушительное начало в экономике»[6]. Исследуя различные формы проявления эгоистических устремлений человека в экономической деятельности, П. Игна-

[1] Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л.И.Абалкин. М.: Экономика, 1999. С. 242.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] См.: Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов /А.Д.Некипелов. – М.: Экономистъ, 2006.
[5] Рубинштейн А. «Группы и их интересы»: приглашение к дискуссии // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 81.; См. также: Гринберг Р. Экономическая социодинамика М.: ИСЭПРЕСС, 2000; Рубинштейн А. Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 90-113.
[6] Игнатовский П. Экономические интересы, их противоречия // Экономист. 2003. № 3. С. 29.

товский приходит к выводу о необходимости противостояния эгоизму как изъяну общественных отношений. «Коллективное мнение, атмосфера коллективизма, исключающие бесконтрольность экономических и других решений, не так называемое вмешательство, а познание ситуации государством – таковы условия, позволяющие обществу нейтрализовать проявления эгоизма, противодействовать ему в государственных структурах, в системах жизнедеятельности общества»[1].

С формально-логической точки зрения, принципы индивидуализма и коллективизма (холизма) выглядят диаметрально противоположными. Однако в практике координации экономической деятельности они тесно взаимосвязаны. Координация общественно-экономической деятельности на основе принципа индивидуализма предстает исключительно как процесс торговли. Иного способа реализации частных интересов, обеспечивающего приоритет *каждому,* не существует. В этом процессе реализуются прежде всего интересы акторов, способных заплатить наивысшую цену, в результате чего в их руках сосредотачиваются экономические ресурсы. В неоклассической теории этот процесс отождествляется с эффективным хозяйствованием. Но одновременно этот же процесс означает сворачивание либеральных экономических основ и формирование монополизма. Принцип приоритета частных интересов не реализуется автоматически; для его осуществления необходима активная целенаправленная политика государства по предотвращению концентрации экономической власти. Иначе говоря, обеспечение приоритета частных интересов возможно лишь в том случае, если это будет общественный приоритет, интерес общества, последовательно отстаиваемый государственной властью. В этом проявляется единство противоположных принципов согласования экономических интересов: приоритет частных интересов становится приоритетом общества.

Однако и принцип приоритета общего интереса не реализуется автоматически. Для его осуществления необходимо обособление соответствующих видов деятельности и специализация части членов общества на их выполнении. При определенных обстоятельствах (низком уровне духовной культуры и моральной ответственности, слабом контроле со стороны общества и т.д.) решения о распределении и использовании объектов общей собственности могут приниматься отнюдь не в общих, а собственных интересах лиц, принимающих эти решения. Так частный интерес претендует именоваться общественным. К тому же открытым остается вопрос об интерпретации общественного интереса, его экономического содержания; представления о том, в чем состоит интерес общества, существенно различаются у разных людей. Трудности, возникающие в процессе выявления и суммирования индивидуальных предпочтений, открывают широкие возможности для превращений частных интересов в «общественные».

Наиболее обоснованной постановкой проблемы согласования экономических интересов является не приоритет тех или иных интересов, а их оптимальное сочетание. Сама логика общественно-экономической деятельности требует сочетания интересов различных субъектов. Однако в процессе «торговли частными интересами» проблема их оптимального сочетания не ставится; ее место занимает концепция компромисса. Но это разные подходы. Проблема оптимального сочетания интересов возникает из представления о взаимной связи и взаимозави-

[1] Там же. С. 39.

симости, единстве человека и общества, человека и человечества. Идея компромисса, напротив, предполагает взаимодействие противоборствующих сторон, необходимость ограничения их максимизационного эгоизма, взаимных уступок при заключении соглашений. При таком подходе общество лишается внутреннего единства, предстает раздробленным и разобщенным.

Социальная система любого общества предполагает существование неких разделяемых всеми общих ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. В ней зафиксированы те критерии социально признанного поведения, на основе которых развертываются соответствующие общественные институты. Усвоение этих критериев составляет необходимую основу формирования личности и поддержания порядка в обществе. Различные социокультурные типы сообществ имеют специфические ценности. Восточная парадигма опирается на органическую концепцию общества, поэтому для нее характерно утверждение единства социума и человека. В западной ценностной парадигме индивиды-атомы не составляют социального организма; социум рассматривается как средство удовлетворения потребностей индивида, следствием чего является противопоставление человека и общества.

Проблема ценностей неизбежно возникает в переходные периоды развития общества, в эпохи обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев общества. Переход России к рыночным отношениям оказывает неоднозначное влияние на ценностные ориентации личности и, соответственно, мотивы и цели экономической деятельности. Сегодня для нас особенно актуален вопрос, поставленный Дж. Бьюкененом в его нобелевской лекции: «… как можем мы жить вместе в мире, процветании и гармонии, сохранив в неприкосновенности свободу людей, которые могут и должны определять свои ценности?»[1]. Ответ на данный вопрос, думается, состоит в поиске таких форм координации экономической деятельности, которые воплощают диалектическое единство ценностей коллективизма и индивидуализма, поощряют индивидуальность, активность, самостоятельность личности, но не в ущерб социуму.

Оптимальное сочетание интересов различных социальных групп может быть достигнуто, на наш взгляд, лишь при гарантировании каждому члену общества независимо от его социального положения, места проживания, сферы деятельности и даже при ее отсутствии минимальных стандартов жизнедеятельности, естественных для современного человека. Это снимет существующее в российском обществе чрезмерное напряжение между интересами различных категорий населения и снизит накопившийся за годы рыночных реформ потенциал социальной агрессии. Нам следует признать, что «инстинкты агрессивности и стяжательства» в нашем обществе превысили «инстинкты самопожертвования и щедрости». Долг политической власти – «внушить необходимость элементарного подчинения первых последним». Задача экономической науки – разработать систему показателей, следование которым позволит восстановить национальное согласие. Оптимальное сочетание частных и общественных интересов может быть обеспечено посредством разработки и непрерывного мониторинга системы показателей уровня и качества жизни отдельных категорий населения, уровня социально-экономического развития регионов и отраслей, сфер общественной

[1] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С. 30.

деятельности и определения предельных значений в их дифференциации. Приближение к границам установленных соотношений следует рассматривать в качестве сигнала к пересмотру параметров проводимой социально-экономической политики.

При таком подходе реализуются оба принципа согласования экономических интересов. Прежде всего, принцип индивидуализма, поскольку необходимым условием оптимального сочетания частных и общественных интересов полагается удовлетворение потребностей человека на уровне, соответствующем современному состоянию общественных производительных сил. Человек и его потребности – исходный пункт экономического анализа. С другой стороны, реализуется и принцип холизма, поскольку общество рассматривается в качестве гаранта условий жизнедеятельности своих граждан. При этом достигается, на наш взгляд, «справедливая доля» индивидуальных и общественных интересов, поскольку общественно-нормальные условия жизнедеятельности гарантируются каждому человеку (т.е. всем членам общества): и тем, кто в настоящий момент относится к категории малоимущих, и тем, кого рыночная стихия или иные обстоятельства жизни могут поместить в эту категорию в будущем.

Такой подход потребует активной политики перераспределения доходов, что, однако, не препятствует имущественной дифференциации, но удерживает ее на социально приемлемом уровне, обеспечивая стабильность социально-экономической организации. Ликвидация недопустимо высокой социальной дифференциации будет способствовать росту спроса на конечный продукт национальной экономики и стимулировать развитие ее реального сектора. Внимание к жизненному миру человека независимо от его социального положения развернет экономическую систему к решению социальных проблем, и будет способствовать преодолению социальной апатии значительной части российского общества.

Фактор неопределенности способствует сближению частных и общественных интересов. Экономические субъекты, не располагая достоверным знанием своего будущего социально-экономического положения и признавая наличие множества случайных факторов, способных повлиять на развитие событий, при прочих равных, в большей степени заинтересованы в устойчивости общественно-экономического порядка, нежели в максимизации индивидуальной выгоды. Поддержание устойчивости и прочности общественного устройства, обеспечение жизнеспособности социума и его членов составляет наиболее глубинный интерес, входит в круг первичных потребностей, объединяет людей в стремлении к общему благу.